

Фактическая неточность получилась на стр. 30—31 в группировке языков Тропической Африки: из-за какой-то технической погрешности (вероятно, случайного пропуска фразы) создается впечатление, что автор включает нилотские языки и языковую семью банту в группу языков «Западного Судана»: но ведь хорошо известно, что в пределах Западного Судана заключена лишь очень небольшая часть языков банту (подавляющее большинство распространено южнее), а на нилотских языках говорят лишь в Восточном, а не в Западном Судане.

Есть небольшой, но досадный пропуск в историографических справках: в ссылках на научную литературу о народе фульбе и о его происхождении (стр. 61—65) не упоминаются работы советского исследователя С. Я. Козлова, а в общем списке литературы упомянута только одна его статья. Советская африканистская литература пока еще очень небогата, и поэтому следовало бы тщательно отмечать каждый, даже небольшой вклад советских ученых в эту область знания.

Можно указать наличие некоторых повторений одной и той же мысли — о национализме, о трибализме и др. — в разных главах книги, что ведет к некоторой ее растянутости.

В целом же, как уже было сказано в начале рецензии, настоящая книга представляет очень значительный вклад в научную литературу по Африке. Она написана на высоком научно-теоретическом уровне, написана на основе серьезной проработки многочисленных и разнообразных источников, в том числе и собственных богатых полевых материалов. Поставлены крупные научные проблемы весьма актуального значения. Да уже и одно обилие свежего и хорошо проверенного фактического материала по народам Тропической Африки делает книгу Р. Н. Исмагиловой ценным приобретением для советской науки.

С. А. Токарев

C. R. Hallpike. *The Konso of Ethiopia. A study of the values of a Cushitic people.* London, 1972; XVI+342 p.; glossaries, bibl., index, 16 pls., 13 fig., 8 cartes, 48 tabl.

Консо живут между озерами Шамо и Стефания на юго-западе Эфиопии; их около 60 тыс. чел. Язык консо принадлежит к восточно-кушитской группе. Относительно их происхождения четкого представления нет. Обнаруживается ряд общих или сходных черт в культуре, языке и физическом типе консо, с их соседями галла, борана, ала, гаувада, гидоле, бурджи, гуджи и другими народами этой зоны.

Исторически консо оказались изолированными от влияния мусульманства и европейского христианства, а также и от последствий миграций галла, оказавших сильное воздействие на ряд других народов Восточной Африки. Более того, ни завоевание земель консо амхара и включение их в состав Эфиопской империи в 1897 г., ни итальянская оккупация не вызвали существенных изменений в традиционной жизни народа; и поныне у консо функционируют некоторые древние институты, а социальная структура их общества и идеология, обуславливающая ценностные системы, еще сохраняют в большой мере традиционные черты.

Консо живут в укрепленных базальтовыми насыпями поселениях с населением от 300 до 3 тыс. человек в каждом. Поселение делится на несколько кварталов, разгороженных деревянными стенами; кварталы — на домохозяйства. По этой причине поселения консо у этнографов принято называть городами. Консо — земледельцы. Они создали своеобразную террасовую культуру земледелия, окружив холмы каменными террасами, чтобы удержать сползающую вниз почву. На этих полях, используя естественное орошение, они возделывают маис, пшеницу, просо, овес.

Культура земледелия и тип поселений консо привлекают к себе внимание исследователей, поскольку они представляют собой редкое явление в этой области Восточной Африки и весьма напоминают культуры цивилизаций Южной Америки и Среднего Востока.

Первой большой работой о консо, базирующейся на полевых материалах, была книга А. Енсена, посетившего этот район в 1935 г., а после второй поездки в 1951 г. появилась его статья об этом народе. В 1960 г. у консо побывал Р. П. Клюкхон, написавший статью об их экономике. Но наши знания о консо все еще очень недостаточны, и поэтому следует отметить как отрадное явление выход в свет монографии английского этнографа К. Р. Холлпейка, который в течение шестнадцати с половиной месяцев (21 мая 1965 — 23 января 1967 гг.) вел полевые наблюдения среди консо.

По определению автора монографии, целью его работы было изучение социальных институтов консо в соответствии с их системой ценностей. Автор уделил особое внимание системе ценностей как комплексу норм, оказывающих большое влияние на взаимоотношения людей и в значительной степени объясняющих формы социальных институтов (стр. 16—17). Отметим, что в последнее время в нашей литературе и за рубежом проявляется серьезный интерес к исследованиям надстроечных явлений раз-

нообразных обществах с точки зрения систем ценностей¹. Однако при рассмотрении книги К. Холлпайка нужно иметь в виду то существенное различие между марксистской философией и некоторыми зарубежными школами, например школой функционалистов, в понимании категории ценности.

В марксистской философии под ценностями понимаются «те явления (или стороны, свойства явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям исторически определенного общества или класса в качестве действительности, цели или идеала»². Главный аспект проблемы ценностей — человек и его социальная среда, условия его существования. Все ценности человека связаны с его жизнью как организма и как члена общества; все ценности делятся на материальные и духовные (или предметные и ценности сознания)³. В марксистской философии ценности рассматриваются как специфическая общественная категория, при этом подчеркивается необходимость изучения любых ценностей только в связи с социальными механизмами, их порождающими. Такой подход исключает идеалистическое и натуралистическое толкование ценностей. При материалистическом понимании общественных категорий становится очевидным, что ценности, являясь порождением социально-экономических условий жизни общества, имеют относительный характер: это историческая категория, как и другие общественные категории. Будучи общественным явлением вторичного порядка, возникая в связи с развитием социальных отношений, ценностные представления в свою очередь воздействуют на эти отношения, влияя на их форму и структуру. Однако ценности сами по себе не являются динамической силой, движущей общественным развитием. Ценности как всякое историческое явление подчиняются объективным законам общественного развития.

Автор рецензируемой книги старается отмежеваться от функционалистов, настаивая на том, что общества, по его мнению, не идентичны биологическим организмам (структурам) и в отличие от таковых способны на «решительные структурные модификации» (стр. 16). Он находит в обществе две стороны — «реальность, состоящую из людей, делающих друг для друга вещи и физический мир, а с другой — идеи, верования, космогонию и ценности, которые, если не отражают общество, то по крайней мере существуют от него отдельно» (стр. 16). Далее, люди в пределах общества организуются в группы, обладающие каждая своими правилами пополнения и нормами поведения. Поэтому автор предлагает для характеристики общества математическое понятие «игра» вместо «организма», так как «игры в отличие от организмов являются системой... взаимодействия по правилам, о которых игроки осведомлены заранее» (стр. 16).

Как мы видим, концепция К. Холлпайка не слишком отличается от функционалистской. Он, правда, делает оговорку относительно того, что ценности — не единственная движущая сила в социальном развитии, «плотность населения, система родства, образ жизни, тип земледелия, торговля, миграции, голод, эпидемия... частично также объясняют... общество» (стр. 17). Автор не определяет, что же являются ведущими силами в развитии общества. Он ставит в один ряд совершенно разнородные явления, например тип земледелия и систему родства, не учитывая исторический характер этих общественных явлений, не выясняя, какую роль они играют в развитии общества. Философская ошибка К. Холлпайка заключается именно в недооценке приоритета в развитии базисных явлений по отношению к надстроечным.

Определение К. Холлпайком ценностей как «качества, характеристики или цели, которые люди признают достойными для жизни индивида или общества» (стр. 130) соответствует социологическому пониманию этой категории, принятому многими западными исследователями (Э. Дюркгейм, Смолл, Т. Парсонс). Таким образом, из комплекса ценностей, в понимании К. Холлпайка, исключены такие понятия, как естественное благо и зло, заключенные в природных богатствах, стихийных бедствиях, социальные благо и зло, культурное наследие прошлого и др. К. Холлпайку, как и функционалистам, чужд историзм в анализе общественных явлений и потому ценности им не воспринимаются как историческая категория. В силу этого К. Холлпайк придает ценностным представлениям излишне значимый сознательно-договорной характер.

Обратимся к тому ряду свойств, которые К. Холлпайк определяет как комплекс ценностей консо. Исходя из теоретической посылки, что система ценностей есть существенная динамическая сила социального развития, автор в IV главе книги рассматривает мир, старшинство, коммуникабельность, мужественность, индивид как ценность, поведение неуравновешенных, положение ремесленников, жизнь и смерть, чужих (в этническом смысле) — как составные элементы комплекса ценностей. Как сообщает автор, он «отбирал» эти качества не по их семантике, а по их сходству с правилами игры (стр. 130). К ряду ценностей, свойственных «любому примитивному

¹ См.: сб. «Проблема ценности в философии». М.—Л., 1966; С. Л. Утченко, Две школы римской системы ценностей, «Вестник древней истории», 1972, № 4, стр. 19—34.

² В. П. Тугаринов, Марксистская философия и проблема ценности, сб. «Проблема ценности в философии», М.—Л., 1966, стр. 15.

³ Там же.

обществу», автор добавляет социальные отношения и морально-этические нормы (идеалы дружбы, кооперации, добрососедства, чести, правдивости, человечности). Нетрудно заметить, что у К. Холлпайка к одному ряду отнесены категории самых разных уровней.

Рассмотрим такую выделенную ценность (по К. Холлпайку), как «положение ремесленников». Во-первых, точнее будет в этом контексте говорить не о положении ремесленников, а об отношении к ним остальной части общества консо. Консо-ремесленники и консо-земледельцы живут вместе. Важно в системе ценностей отношение вторых к первым (объем и характер их социальных прав, частичное исключение ремесленников из общественной жизни). В основном же комплекс ценностей консо, как это показывает материал автора книги, в одинаковой степени присущ как ремесленникам, так и земледельцам. И тут нельзя не согласиться с рецензентом этой книги С. Торнаи⁴, который задает вопрос: а не ошибается ли Холлпайк, разве у консо — земледельцев и ремесленников — две разные системы ценностей, разве не в одном обществе живут и те, и другие?! Презрительное отношение к ремесленникам вообще довольно широко распространенное явление среди народов Африки. Этому вопросу в литературе уделено много внимания. К. Холлпайк же дает свое, гримеч весьма оригинальное, объяснение этому. Он уверовал в «гениальное основание для нелюбви (земледельцев.— К. К.) к изготовлению керамики» (стр. 143), из чего и вывел оригинальную ценность консо. Консо-земледельцы якобы объяснили их презрение к ремесленникам-гончарам тем, что последние плохо обращаются с землей — растирают, толкут, смешивают с водой, как пищу, вместо того, чтобы ее возделывать и засеивать. Предубеждение консо-земледельцев против кузнецов автор книги связывает с «нестественностью» плавки железной руды. Сверх того, объясняет К. Холлпайк, для консо «железо — несъедобная субстанция!» (стр. 143).

Индивид как ценность у Холлпайка рассмотрен очень аморфно, сюда включаются и право наследования, и личное экономическое преуспевание, и отвращение к деспотии, и свобода отношений между мужем и женой и др. Одним словом, эта «ценность» в изложении автора предстает весьма туманной.

Противопоставляемые К. Холлпайком в обществе консо оппозиционные группы (мужчины — женщины), ремесленники — земледельцы, сумасшедшие — нормальные, консо — чужестранцы) в изложении автора книги оказываются однородным рядом социальных категорий. Для него, как и для многих западных социологов, при выделении такого рода понятий противопоставлений, закономерных каждое в отдельности, критерием служит неверно понятое участие противопоставляемых групп людей в сакральной жизни общества. Участники ритуала, роли в котором четко определены обычаем и традицией, нередко воспринимаются европейцами как неравноправные в социальном смысле. На деле же обособление этих групп людей имеет различные, специфические для каждой группы, причины, а потому выстраивать их в один ряд по шкале ценностей не следовало бы.

Вероятно, тип поселений консо — города также нужно было рассматривать в соответствии с комплексом ценностей консо. По поводу этого своеобразного явления К. Холлпайк высказывает несколько предположений, подчас фантастических (например, необходимость использовать в больших количествах органические удобрения на террасовых полях — причина городского типа поселений), но при этом он игнорирует экологию, которая скорее всего даст ключ к объяснению этой особенности консо.

Мир, социальная гармония, как считает автор монографии, ведущие ценности в системе консо. Стремление к социальной гармонии, упорядоченному устройству общества он объясняет возникновение у консо возрастной организации, причем в установлении этой системы он видит результат сознательных усилий общества (стр. 165). Возрастная система консо, как полагает К. Холлпайк, делит поколения на четыре категории, обеспечивая иерархию в соответствии с возрастом. Он называет возрастную систему консо «степенями по поколениям» (generation-grading system), так как вступление в систему каждого человека зависит от положения в ней его отца. Анализируя систему степеней К. Холлпайк, как и многие его предшественники, упирается в туиковую проблему несоответствия возраста членов степеней системы с их функциями и не находит решения. Он пишет, что система консо аналогична системе галла, и как она, не имеет критерия возраста. В его попытке выдвинуть гипотезу для реконструкции древнего пласта системы ему мешает следующее: во-первых, он не понял древнего, изначального значения такой системы, как организующей общественное производство и ритуальную жизнь, а потому не смог увидеть в ней даже следов экономических, политических или юридических функций; и, во-вторых, поэтому он не понял значения возраста как первоначального критерия пополнения таких систем. К. Холлпайк прав относительно воздействия на возрастную систему таких ценностных представлений, как мир и социальная гармония; но неверным является признание ведущей роли этих ценностей и сознательных усилий общества, сформировавших якобы этот социальный институт консо. Рассуждения автора книги о возрастной системе содержат, как мы видим, некоторые исходные ошибочные положения.

⁴ Рецензия С. Торнаи напечатана в журнале «L'Homme», т. XII, № 3, 1972, р. 133—138.

Автор исходит из того, что ряд выявленных им у консо ценностей имеет чисто индивидуальный характер, лишая таким образом универсальности некоторые общие ценностные категории, присущие многим обществам, стоящим на том же уровне развития. Вряд ли можно с этим согласиться. Так, старшинство как ценность настолько общезвестно, что не стоит ее возводить в ранг частной характеристики. Если эту ценность выделить из всего комплекса консо, в ней не окажется никакой специфики, разве что она находит яркое выражение в возрастной системе, да и опять-таки это далеко не редкое явление у народов на уровне развития консо.

К. Холлпайк делает ударение на отвращении консо к деспотической власти как ценности (стр. 122). Даже если в этом обнаруживается в какой-то степени ценностное отношение, следует учитывать, что в обществах, где сильны пережитки первобытнообщинной формации, демократизм власти и управления — вполне закономерное явление, а не исключение, специфичное для консо, как, по-видимому, считает Холлпайк. В любом случае нелогично рассматривать это явление в качестве «вневременной сущности» (стр. 15). К. Холлпайк, приписывая консо исключительно демократическую ориентацию их политического идеала, считает маловероятным выделение из их среды лидеров в сфере экономической, сакральной, политической. Однако приведенный им же этнографический материал показывает, что у консо (как и у галла, гавада, гуджи) уже выделяются отдельные личности не только благодаря их личным качествам, но и в силу накопления ими материальных ценностей, а это — объективное следствие разложения традиционного уклада.

Мужественность как ценность, по мнению автора книги, «конфликтует» с ценностью мира. Война у консо — традиционное средство доказать воинскую доблесть, охота — второй аспект проявления мужества. Противопоставив эти ценности (мир — мужественность), К. Холлпайк поместил их в ряд взаимоисключающих. На самом же деле у консо ценность мужественности как военной функции не взаимоисключает ценности мира, а сосуществует с нею, тем более, что последняя имеет в основном оборонительный характер.

По мнению К. Холлпайка, консо обесценивают сексуальные отношения, как понижающие мужественность, а отсюда автор выводит социальную неполноправность женщин в обществе. Собственно говоря, отношение к женщине в системе ценностей дано автором нечетко. Он говорит, что консо относятся к женщинам как к отрицательной силе, направленной в ущерб мужественности (стр. 19), но больше никаких фактов не приводит. Правда, он подробно описал участие женщин в хозяйственном цикле, в ритуальной жизни, что дает материал для реконструкции более древних социальных отношений и дополняет выводы А. Енсена, ранее описавшего институты консо, в частности роль женщин в них. Что же касается социального положения женщин, то объясняется оно, в первую очередь, не ценностным к ним отношением, а общественным характером разделения труда, ставящего женщин на исторически обусловленное место в общественной жизни.

Рассматривая сферу социальных отношений консо, К. Холлпайк уделяет много внимания таким категориям, как дружба, товарищество, добрососедство, мир, честь, правдивость, человечность, свобода, старшинство, права предков. Считая весь этот ряд моральных свойств общим по своей природе, он находит им место в «любимом примитивном обществе» (стр. 130). Автор утверждает, что каждое общество «отбирает» из бесконечного ряда возможных ценностей небольшой их комплекс и совершенствует его в изоляции, чтобы придать этим ценностям уникальный оттенок, который создает в уме иноземного наблюдателя особую индивидуальность каждой культуры (стр. 130). К. Холлпайк переоценивает элемент сознательности в социальном развитии общества (стр. 125). Конечно, когда та или иная выкристаллизовавшаяся в общественном сознании ценность становится нормой общественного бытия, она оказывает влияние на социальные институты. Но при этом нельзя не учитывать, что возможности для возникновения этой ценности вытекают из объективных условий материальной жизни общества. Поскольку все ценности выводятся людьми из реальных условий их жизни, каждое конкретное общество обладает специфически определенным комплексом ценностей, получающим благодаря специфике условий в известной мере этническую окраску. Этот комплекс включает и общечеловеческие ценности, и особые, свойственные конкретному обществу.

Очень интересны материалы главы II о системе родства консо, имеющие значение полезного источника по важной теоретической проблеме. К. Холлпайк утверждает, что родственные связи не обеспечивают базы общественной структуры, она строится скорее на связях соседства и товарищества; но его материалы показывают, что отношения родства четко проступают и при распределении наследства, и в брачных порядках, и в возрастной системе и в других аспектах. Интересно отметить, что К. Холлпайк зафиксировал по всей территории консо девять экзогамных патрилинейных кланов, которые в свое время ошибочно были приняты А. Енсенем за девять брачных классов. Неясным остается вопрос о брачном выкупе, так как К. Холлпайк высказывает предположение, что это недавнее заимствование у амхара, взятое у них якобы как полезный источник капитала. Весьма сомнительная мысль. Надо сказать, что автор книги, задавшись целью проследить значение ценностей в социальных отношениях консо, зачастую отступает от нее. Кроме неоднократного декларирования тезиса о «динамической силе» ценностей, эта мысль слабо проступает в анализе конкретного

материала. Сама по себе проблема, поставленная исследователем, очень важна. Введение систем ценностей в анализ этнографических материалов необходимо при изучении специфических особенностей социальных отношений любого конкретного общества.

Было бы несправедливо, подвергнув критике теоретические положения автора монографии, умолчать о ее достоинствах. В первую очередь отмечу (здесь я полностью согласна с С. Торнаи), что К. Р. Холлпайк привел богатый этнографический материал о консо. Отдавая должное приоритету в изучении этого народа А. Енсену (работу которого незаслуженно отвергает К. Холлпайк, стр. 13—14) этнографы всех школ и направлений будут признательны К. Холлпайку как энергичному и внимательному полевому исследователю. Его опыт является хорошим примером полевой этнографической работы. Зная язык консо, он вошел в их среду сначала как посторонний, вызывавший своим любопытством удивление аборигенов. Но со временем консо прониклись к нему доверием и дружбой, что создало реальные возможности для детального изучения различных аспектов их жизни. Особо хочется выделить собранные автором материалы по социальной организации консо; сюда я отношу части книги об устройстве поселений-городов, системе родства, брачным нормам и возрастной системе. Несмотря на то, что в теоретическом отношении социальная организация освещена автором монографии не совсем правильно, опубликованный им материал не утрачивает своего значения. Следует приветствовать выход в свет такого обширного свода данных.

К. П. Калиновская

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

E. Ogan. Business and cargo: socio-economic change among the Nasioi of Bougainville («New Guinea Bulletin», № 44). Canberra, 1972, p. IX+207.

Папуасоязычное племя насии (10 тыс. чел.), о котором идет речь в рецензируемой книге, не пользовалось большим вниманием исследователей. До первой мировой войны об этом племени писали Р. Паркинсон, П. Рауш и Е. Фрици¹, в 1920—30-х годах — Б. Блеквуд², после второй мировой войны — Д. Оливер³. Надо отметить, однако, что Паркинсон в книге «Тридцать лет в Океании» уделил насии очень мало внимания, а Блеквуд и Оливер изучали другие племена острова Бугенвиль и о насии упоминают лишь мимоходом. Таким образом, литература о насии фактически насчитывает не более трех работ 60-летней давности (считая и статью Рауша о терминах родства, в которой всего две страницы).

Американский этнограф Е. Оган, отправляясь на остров Бугенвиль (в группе Соломоновых), намеревался изучить традиционную культуру насии, чтобы сравнить ее потом с культурой соседнего племени сиуаи, изученной Оливером. Но у него не хватило денег на то, чтобы забраться в глубинный район, и он поселился в дер. Румба, недалеко от г. Киета. Здесь он жил с декабря 1962 по декабрь 1963 г., затем, после трех месяцев, проведенных в Китае, — с февраля по август 1964 г. Потом Оган приехал сюда в 1966 г. (июнь — август). С сентября 1966 по февраль 1967 г. он работал в соседнем районе (Конгара). Наконец, в 1968 г. Оган еще раз посетил остров и наблюдал за ходом выборов в Палату Ассамблеи территории Папуа — Новая Гвинея.

Надо сказать, что насии в этом районе не знают английского языка, а Оган вначале не знал языка насии и меланезийского пиджина. С ним была, однако, работа Рауша об языке насии и книга Михалича о пиджине⁴, и через полгода он уже общался с местными жителями на этих двух языках.

Оган сразу заметил, что в культуре насии за 70 лет контакта с европейцами (первая миссия основана в 1902 г., первая кокосовая плантация — в 1908 г.) произошли значительные изменения. И это определило направленность его исследований: он стал изучать процесс социально-экономических изменений.

¹ R. Parkinson, Dreissig Jahre in der Südsee, Stuttgart, 1907, S. 477 u. a.; P. Rausch, Die Sprache von Südost-Bougainville, «Anthropos», vol. 7, 1912, S. 105—134, 585—616, 964—994; его же, Die Verwandtschaftsnamen der Nasioi, Südost-Bougainville, «Anthropos», vol. 7, 1912, S. 1056—1057; E. Frizzi, Ein Beitrag zur Ethnologie von Bougainville und Buka, mit spezieller Berücksichtigung der Nasioi, «Baessler-Archiv», Beiheft 6, 1914.

² B. Blackwood, Both sides of Buka passage, Oxford, 1935.

³ D. Oliver, A Solomon Island society, Cambridge, 1955.

⁴ F. Mihalič, The Jacaranda dictionary and grammar of Melanesian Pidgin, Hong Kong, 1971.